

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ДОКТОРАНТОВ – ИСТОРИКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Доброй и уже многолетней традицией стало проведение в Архангельске теоретико-методологического семинара докторантов по историческим наукам. Но если ранее этот семинар работал на базе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, то после состоявшегося в мае этого года вхождения ПГУ в состав Северного (Арктического) федерального университета это заседание прошло уже в САФУ.

На обсуждение были вынесены доклады докторантов университета, представляющих три северных региона – Архангельскую, Вологодскую область и Коми Республику. Была предложена достаточно широкая, разнообразная и актуальная научная тематика, охватывающая политическую, социальную и культурную историю России. В обсуждении докладов приняла участие группа докторов наук и профессоров. Подчеркнем, что семинар прошел в канун 2012 года, объявленного Указом Президента годом Российской истории.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Руководитель семинара **В.И. Голдин**, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель докторского диссертационного совета САФУ и член Экспертного совета ВАК по истории раскрыл в своем выступлении ряд актуальных проблем развития исторического знания, а также состояние дел в системе аттестации научных и научно-педагогических кадров в стране.

Сложное переживаемое время отражается и на отношении государства, общества и наших сограждан к истории, историческому прошлому и опыту развития России в разные эпохи и прежде всего в XX веке. Именно проблемы минувшего столетия находятся сегодня на острие политических, идеологических и научных дискуссий, и это касается всех, без исключения, тем докторских диссертаций, доклады по которым выносятся на обсуждение в рамках настоящего теоретико-методологического семинара.

Руководством к действию для исследователей в осмыслении актуальных и дискуссионных проблем истории должны быть объективность, научная беспристрастность, академизм и профессиональная честность. Дело в том, что история и историки находятся сегодня под мощным прессом идеологической конъюнктуры, их активно пытаются использовать в интересах политики и политиков.

Одним из ключевых для понимания и адекватного раскрытия исторического процесса является четкое следование принципу историзма. Это тем более актуально, что сегодня налицо ярко выраженная тенденция к «осовремениванию истории», стремление взглянуть на прошлое и охарактеризовать его с позиций сегодняшнего дня. При этом часто упускается из виду исторический контекст времени, специфическое пространство прошлого, со свойственными ему умонастроениями, поведением, менталитетом и действиями людей. Важно при этом ставить во главу угла вопрос о том, возможно ли было в то время действовать иначе, каковы были реальные, а не умозрительные, альтернативы развития исторического процесса.

Хотелось бы подчеркнуть и исключительную значимость системного, комплексного, целостного осмысления исторического прошлого в многообразии всех его слагаемых, различных пластов истории, а также важность применения междисциплинарного методологического подхода, использования лучшего из интеллектуальных наработок других гуманитарных и социальных наук. Развитие методологического поиска воплотилось в последние годы в издании ряда содержательных монографий¹, а также в обсуждениях, состоявшихся на страницах

¹ Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004; Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005; *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX и XXI вв. М., 2011; и др.

ряда исторических, философских и социально-гуманитарных журналов. Примером содержательного междисциплинарного диалога на тему «О причинах Российской революции» стала дискуссия, состоявшаяся сначала в интернете, а затем опубликованная на страницах седьмого выпуска альманаха «История и математика»².

Так или иначе, отслеживание, знание и осмысление лучших достижений исторического научного знания и новейших тенденций развития науки вообще является неперенным условием успешного исследовательского поиска докторантов, да и всех современных исследователей, вне зависимости от того, в каком академическом статусе они находятся.

Хотелось бы коснуться также тех изменений в системе аттестации научных и научно-педагогических кадров, которые стоят сегодня на повестке дня и являются предметом современных дискуссий. Это стало, например, предметом обстоятельного обсуждения, состоявшегося 17 ноября 2011 года в Министерстве образования и науки РФ с участием руководства Высшей аттестационной комиссии и научной общественности. В центре дискуссии оказалось несколько ключевых вопросов: текущее состояние сети диссертационных советов, квалификационные требования к их членам, обеспечение прозрачности и объективности работы диссоветов, их взаимодействие с ВАК, экспертиза диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и рассмотрение апелляций.

Вниманию собравшихся был представлен доклад директора только что созданного департамента научных и научно-педагогических кадров Минобрнауки Е.К. Нечаевой. Во главу угла ею был поставлен вопрос об усилении ответственности, компетентности и повышении эффективности деятельности диссертационных советов – центрального звена системы аттестации научных и научно-педагогических работников в России.

Обязательным требованием для всех членов диссертационных советов должно стать наличие

публикаций в ведущих рецензируемых журналах и изданиях. В отмеченном докладе Е.К. Нечаевой указывалось, например, что в половине существующих советов не было ни одной защиты докторской диссертации за последние три года, а в ряде советов на протяжении нескольких лет вообще не проводилось защит кандидатских и докторских диссертаций.

Большое внимание в дискуссии было уделено обеспечению прозрачности и объективности работы диссертационных советов. Речь идет об аудио- и видеозаписи их заседаний, а также об онлайн-трансляции этих заседаний.

В новом Положении о диссертационном совете прописываются основания и процедуры приостановки и прекращения деятельности диссертационных советов. Ранее такие положения в указанном документе отсутствовали. Повышается ответственность экспертных советов ВАК в работе с диссертационными советами, за проверку качества принимаемых ими решений и защищаемых в них диссертаций, особенно кандидатских. Предполагается ликвидация деятельности советов по защите кандидатских диссертаций (сегодня они существуют в порядке исключения, и их всего лишь более шестидесяти), а все кандидатские диссертации будут защищаться в докторских диссертационных советах.

Так или иначе, грядущие перемены в работе по аттестации научных и научно-педагогических кадров будут касаться всех присутствующих, и хотелось бы, чтобы сложный предстоящий период был пройден с наименьшими потрясениями, рисками и нервными издержками. Поэтому призываем присутствующих здесь членов докторского диссертационного совета САФУ проверить наличие минимума необходимых публикаций в ВАКовских изданиях, срочно опубликовать недостающие статьи и в дальнейшем заниматься этой работой уже на постоянной основе. Докторантам же хотелось бы пожелать успешных презентаций сегодня, а также благополучного продолжения и завершения работы над докторскими диссертациями.

² О причинах Российской революции. М., 2010.

ТРОШИНА Татьяна Игоревна,
кандидат исторических наук, доцент,
докторант кафедры отечественной истории
Института социально-гуманитарных и политических наук
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

НАСЕЛЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Население является объектом исследования многих наук, каждая из которых выявляет в нем свои исследовательские аспекты. Понятие «население» включает в себя совокупность людей, проживающих на определенной территории. Как научная категория, население включает такие характеристики, как система воспроизводства, расселение, миграции, урбанизация, половозрастной и брачно-семейный состав, уровень образования. Эти показатели обусловлены историческим развитием общества и при этом оказывают влияние на весь ход общественного развития. В этом плане население является объектом исследования и исторической науки, особенно в случаях, когда изучается относительно однородное в культурном или этническом отношении сообщество. При изучении более сложных социальных образований население выступает объектом исторического исследования обычно в некоем структурированном состоянии, прежде всего как общество.

Количественные и качественные характеристики населения являются индикатором происходящих социальных процессов, демонстрируют направление общественного развития, помогают выявить и найти объяснение происходящих изменений. В связи с этим, в качестве объекта предпринятого в рамках диссертационного исследования изучения социальных процессов избрано население Европейского Севера в совокупности его исторического и общественного развития, взятое как уникальный исторический феномен, сложившийся на стыке традиционного и инновационного начал.

Дополнительным аргументом к применению понятия «население» при изучении социальной истории первых десятилетий XX века является то, что этот период был наполнен важным социальным содержанием, включающим значительные подвижки всей структуры общества, процесс новой его конструкции, а в некоторых случаях и деструкции, разрыва социальных связей и возникновения новых

форм – как эволюционных, так и революционных, и даже откат в архаику.

В населении, представляющем собой сложную систему, выделяется большое количество локальных особенностей, что связано с территориальным положением отдельных групп, условиями естественной и социальной среды, в которых они проживают. Важным является выяснение степени населенности территории, а именно, достигнутый уровень ее «вместимости», поскольку от этого показателя зависит наличие контактов между локальными группами населения и формы этих контактов, а следовательно, наличие и интенсивность социальных конфликтов при распределении имеющихся ресурсов. Определение степени связанности населения с «внешним миром», то есть наличие дорог и транспортной связи. Сопоставление степени и интенсивности их протекания в городе и селе, различающихся по численности населения и по другим социальным показателям, позволяет выявить истоки социального напряжения и объяснить внутреннее содержание конфликтов.

В социальном плане понятие «население», ограниченное территориальными рамками, предполагает существование социальных связей, сходную систему ценностей и идентификацию с остальными жителями данной территории, без конфликтного противопоставления различных групп проживающих на данной территории населения друг другу. В традиционно ориентированном обществе основным содержанием социальной дифференциации является половозрастное разделение, от которого зависела доступность к тем или иным ресурсам, к социальным позициям. Следовательно, исследование нарушения этой структуры дает дополнительные сведения для выяснения причины ускорения социальных процессов, их специфики, которая возникла под влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Севернорусское население представляло собой накануне Первой русской революции достаточно стабильное общественное образование. Это осознавала и центральная власть, свидетельством чего было включение северных губерний в число местностей, предназначенных для административной ссылки, в том числе по политическим статьям. Население в значительной степени исчерпало внутренний ресурс своей активности, приспособившись как к природно-климатической среде, так и к социальной, представляющей собой усилия государства по включению населения в общероссийский социально-экономический процесс. Не прослеживалось и внутренних конфликтов, которые могли бы актуализироваться во время революционных событий 1905–1907 годов. В этих событиях активное участие принимала только та часть крестьянского населения, которая не урегулировала отношений со своим бывшим владельцем, Удельным ведомством. Остальные группы населения включились в революционные события под влиянием внешней пропаганды.

2) Для населения северных губерний была характерна специфика, а именно, совмещение традиции и инновации. Отсюда – неустойчивость социальной структуры. Вместе с тем, включение территорий в общероссийский социально-экономический и социально-политический процесс способствовало накоплению предпосылок, которые вели к существенным социальным изменениям. Демографический переход, в который российское общество вступило с конца 1880-х годов, привел к проблеме малоземелья. В северных губерниях эта проблема в значительной степени снималась возможностью внеземледельческих заработков, однако события 1918–1919 годов актуализировали ее, создав дополнительное напряжение. Кроме того, параллельно с процессом демографического перехода, а также с процессами социальной и культурной модернизации, развивался и углублялся межпоколенный конфликт, что облегчило и ускорило отрыв части молодежи от норм традиционной культуры.

3) Экономическая модернизация (индустриализация и урбанизация) не только привела к отрыву и маргинализации части крестьянского населения, но способствовала активизации географической мобильности населения, приближению отдаленных северных районов к культурным центрам, росту благосостояния населения. Поскольку эти процес-

сы происходили неравномерно, возникли признаки имущественной и социальной дифференциации.

4) Социальная и культурная модернизация в форме, прежде всего, образования, проявилась в активной работе социальных «лифтов», скорость которых увеличивалась. Первоначально это способствовало активной перекачке излишних человеческих ресурсов из нижних слоев населения в верхние, территориальному перемещению по линии «село – город». Затем эволюционное движение приобрело революционные темпы. Революционное ускорение социальных «лифтов» создало дополнительные возможности как для отдельных людей, так и для целых страт общества. Кроме движения по восходящей, происходила и нисходящая социальная мобильность, включающая процесс рурализации городского населения, потери отдельными лицами и целыми социальными группами своих позиций в социальной структуре общества, а также имущественных и профессиональных позиций. Поскольку такие формы мобильности происходили ускоренными темпами, и человек на протяжении короткого периода жизни мог сменить несколько социальных позиций, нередко диаметрально противоположных, необходимой адаптации к новым условиям произойти не могло, что осложнило социально-психологический климат в обществе и способствовало нарушению традиционной солидарности.

5) Социальной реакцией на внутренние конфликты стали рецидивы социальной памяти. Исследование многочисленных и, казалось бы, разрозненных фактов противостояния традиционного общества давлению, оказываемому как извне, так и изнутри, делается путем сравнения этих фактов со схожими (репрессивными) формами поддержания солидарности, применявшихся населением северных губерний в других исторических обстоятельствах.

Минаева Т.С., доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории САФУ: согласна с высказанным положением о том, что изучение региональной истории продолжает страдать такими недостатками, как фрагментарность и исследование многих проблем региона вне социокультурного контекста. Действительно, необходим новый методологический подход к изучению социальной истории Европейского Севера России. Хотелось бы знать, какая теория развития общества взята в качестве основы исследования? Какие качественные изменения произошли с населением региона в изучаемый период?

Трошина Т.И.: методологический принцип исследования заключается в намерении синтезировать два основных подхода, наметившихся в современной науке при объяснении переходной эпохи русской истории первой четверти XX века. Это объективизированный подход, при котором ведущая роль придается надындивидуальным факторам исторического развития России, и субъективизированный, акцентирующий внимание на деятельности на начальном этапе субъектов истории.

Исследование столь динамичной эпохи, как первые десятилетия XX века, наполненной изменениями и резкими разрывами и исторического времени, и социальной ткани общества, принято осуществлять, основываясь на парадигмах формационной и модернизационной теорий. В их рамках в исследовании рассматриваются такие важные для развития социальных процессов обстоятельства, как географическая и социальная мобильность, урбанизация, культурная и социальная модернизация.

Однако специфика происшедших событий ставит исследователя, прежде всего изучающего региональный вариант общенациональных событий, перед необходимостью применять и цивилизационный подход.

Цивилизационный подход и соответствующее ему социокультурное направление предполагают исследование относительно стабильного социума, пребывающего в естественном состоянии поступательного развития.

Для данного исследования большое значение имеет историко-демографическая концепция во всех ее модификациях. Она позволяет интерпретировать факты, связанные с изменением традиционной семейно-брачной структуры, половозрастными отношениями; объяснить специфику взаимоотношений между «народом» и «элитой»; выявить мотивацию экономического, политического, социального поведения населения северного региона в изучаемый период.

Содержанием положенного в основу диссертации исследования являются сосуществующие, борющиеся друг с другом, взаимоисключающие, переплетающиеся социальные явления. Такая сложная научная задача оправдывает претензию на проведение междисциплинарного исследования. Объединяющим моментом, позволяющим одновременно использовать теоретико-методологические концепции, заимствованные из различных наук, является факторный подход. Он предполагает из-

учение самых разнообразных сил, влияющих как на динамику изучаемых процессов (объективные обстоятельства), так и на их направленность (субъективные). В рамках факторного подхода признается сочетание закономерностей и случайностей, эволюции и революции, типичного и индивидуального.

Ф.Х. Соколова, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и международных отношений САФУ: Вы утверждаете, что население Европейского Севера в начале XX века было культурно однородным, состоящим из маргинализованных групп крестьян, так ли это?

Трошина Т.И.: на вопрос об однородности северо-европейского общества есть несколько ответов, но ни один из них не является однозначным. Существует простой ответ: данные народных переписей показывают, что более 80 % населения являлись крестьянами. При этом известно, что сословная принадлежность не всегда совпадала с экономическим или социальным статусом. В частности, значительная часть крестьянства северных губерний не занималась исключительно сельским хозяйством. Несмотря на хозяйственную (в том числе профессиональную) разнородность, в социальном и культурном отношении население было относительно однородным. Проживая в отдаленных и труднодоступных селениях (а таковых здесь было большинство), жители имели схожие социальные и культурные характеристики, что обуславливалось отсутствием или осложнением доступного культурного обмена с другими социальными группами (как по вертикальным, так и по горизонтальным позициям).

Процесс социальной и имущественной дифференциации стал набирать определенную скорость только на рубеже XIX–XX веков. Поэтому как социальные группы (отходники, промышленные рабочие), так и отдельные люди, выделившиеся из общей массы населения по профессиональным и социальным признакам (представители торгово-промышленного класса, интеллигенция, чиновничество), оставались связанными многочисленными социальными нитями с «материнским» – в территориальном и в культурном отношении – социумом. Подтверждением этому служит наличие родственных связей, которые в первом и втором поколении «маргиналов» еще не могли быть полностью разорваны.

Минаева Т.С.: что дает Вам основание утверждать об отсутствии имущественной и социальной дифференциации населения северных губерний на рубеже XIX–XX веков?

Трошина Т.И.: в условиях существования передельной земельной общины продолжалось «сглаживание» имущественных различий. Разумеется, происходило и расслоение, но в силу ряда причин (в частности, изолированность населенных пунктов, что вело к воспроизводству традиционных общественных взаимоотношений) оно не имело существенного социального значения. В больших неразделенных семьях происходило растворение высоких доходов отдельных членов семейств. Принципы моральной экономики способствовали относительному переделу доходов не только внутри семьи, но и – при определенных обстоятельствах – внутри локального общества. В качестве примера можно назвать поморское (промысловое) население, в среде которого уже в XIX веке фиксировалось существенное имущественное расслоение, ко-

торое привело и к ранней пролетаризации. Однако общество успело создать компенсаторные механизмы, основанные на традиционных принципах «моральной экономики», что позволяло не допустить явного антагонизма. Даже в условиях Революции и Гражданской войны (и позднее, при проведении коллективизации) удалось избежать внутриобщинного конфликта.

Косвенным, и при этом весьма показательным аргументом в пользу тезиса о внутренней однородности населения северных губерний служит тот факт, что в годы Революции 1905–1907 годов не произошло актуализации внутренних конфликтов, как это имело место в других регионах страны. Революционные настроения чаще были инициированы какими-то внешними силами и не были связаны с внутренними противоречиями.

*Контактная информация:
e-mail: tatr-arh@mail.ru*

СИЛИН Андрей Вячеславович,
*кандидат исторических наук,
докторант кафедры отечественной истории
Института социально-гуманитарных и политических наук,
доцент кафедры педагогики
Института педагогики, психологии и социальной работы
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова*

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Выступление посвящено второй главе диссертационного исследования «Государственная политика в сфере профессионального образования в 1917–1941 годах: исторический опыт и уроки (на материалах Европейского Севера России)». Эта глава играет важную роль в исследовании, так как доктринальные установки и способы реализации принятых властью решений, зародившиеся в горниле революции и Гражданской войны, не теряли своей актуальности и проявляли себя в той или иной форме на протяжении всего изучаемого диссертантом периода и в дальнейшем. Нагляд-

ным примером тому может служить идея соединения общего, политехнического и профессионального образования, сохранявшая свое влияние на педагогическую теорию и образовательную практику вплоть до конца существования советского государства.

В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. Система профессионального образования в стране и в регионе постоянно испытывала на себе негативные последствия войн и революций и функционировала в крайне неблагоприятных социально-экономических и по-

литических условиях. Временному правительству и его Министерству народного просвещения пришлось продолжить политику царской администрации, направленную на адаптацию системы профессионального образования к условиям войны и ее реформирование на основе принципов умеренного либерализма и демократизма. Но с проведением кардинальной реформы Временное правительство не спешило. Это объяснялось, с одной стороны, отсутствием у него конструктивной программы действия в сфере профобразования, с другой – невозможностью осуществления глубокой, комплексной реформы образования, в том числе и профессионального. Причинами являлись частые политические кризисы, а также постоянно ухудшающаяся социально-экономическая обстановка в стране и истощение ее финансовых ресурсов.

Значимым фактором, оказывавшим влияние на развитие профессионального образования в послепефевральский период, особенно в Архангельской губернии, являлась общественная инициатива и деятельность органов земского самоуправления. Их активизация усилила тенденцию к выходу отдельных звеньев профессионального образования из государственной сферы и обретению ими не юридически, а фактически общественного характера (частные и земские курсы профессионального характера, профшколы и курсы, открываемые общественными и профессиональными организациями и союзами).

Опираясь на изученные источники, сделан вывод, что 1917/1918 учебный год профессиональные учебные заведения России и Европейского Севера встретили в состоянии неопределенности. Их старый аппарат управления был дезорганизован, деморализован и полуразрушен, а новый – пребывал в стадии становления. Прежняя нормативно-правовая база профессионального образования была отвергнута, новая – только еще формировалась и лишь начинала вводиться в действие.

Период, начавшийся с Октября 1917 года и охвативший время Гражданской войны, в истории профессионального образования страны и региона не поддается однозначной оценке. С одной стороны, происходила ломка дореволюционной системы профессионального образования, а с другой – предпринимались попытки ускоренным темпом построить новую систему профобразования, базирующуюся на иных принципах. Максималистские проекты большевиков, сталкиваясь с реалиями жизни, претерпевали серьезные изменения. Руководствуясь доктриной, большевики пытались преобразовать

практическую действительность, но и она оказывала влияние на доктрину. Начинания центральной советской власти в сфере профессионального образования не всегда находили адекватную реализацию на местах. Примером может служить практически ничем не прикрытый саботаж в 1918 году ликвидации профшкол и классов, базировавшихся на начальной ступени общего образования. Местные власти, находясь ближе к жизни, пытались корректировать политику центра в данной сфере, либо отделялись паллиативами, в том числе и в деле идейно-теоретической перестройки содержания образования. Показательным в этом отношении был пример Вологодской губернии.

Советские реформы в сфере профессионального образования на Европейском Севере в 1918–1920 годах вылились в увеличение численности профессиональных учебных заведений и учащихся в них. Осуществлялось преобразование учительских семинарий в педагогические курсы, создание на базе учительских и педагогических институтов практических институтов народного образования. Была начата реорганизация архангельского политехникума в практический институт. Проводились попытки организации профтехнических курсов при заводах, реформирования ремесленных школ в профессионально-технические, организации фабрично-заводского ученичества. При этом ставка делалась на ускоренную подготовку квалифицированных рабочих и специалистов среднего и высшего звена. Надежды на активность профсоюзов и хозяйственных органов в деле реформирования профобразования довольно часто не оправдывались.

В Архангельской губернии реализация начинаний советского правительства в области профобразования была затруднена тем обстоятельством, что значительная часть территории губернии с августа 1918 года по февраль 1920 года была занята антибольшевистскими силами. Это привело к фактическому сохранению status quo в системе профессионального образования губернии до 1920 года.

Характерными тенденциями в деле управления профессиональным образованием, как в центре, так и на местах, становятся усиление централизации и бюрократизации. Однако наряду с этими тенденциями проявились себя и тенденции противоположные, особенно в период относительно автономного существования Главпрофобра и его органов на местах. Проблемой деятельности управленческих структур в сфере профессионального образования на Европейском Севере был остро переживаемый

кадровый голод, поэтому они были вынуждены привлекать для работы наиболее способных представителей учащейся молодежи, обращаться за кадровой помощью в партийно-советские учреждения, но при этом далеко не всегда получали содействие с их стороны.

Материально-техническое обеспечение профшкол, уровень жизни преподавательского корпуса и учащихся системы профессионального образования региона в годы Гражданской войны были очень тяжелыми, их вполне можно охарактеризовать как «жизнь в катастрофе». Местные власти в рамках политики «военного коммунизма» пытались предпринимать меры, направленные на то, чтобы хоть как-то поддерживать существование профессиональных учебных заведений. К сожалению, ведомственные препоны, разруха и общая бедность, во много крат усиленные войной, не способствовали благоприятному исходу этих начинаний.

На исходе Гражданской войны в регионе развивается процесс создания системы подготовки партийно-советских управленцев и пропагандистов, хотя истоки этого процесса относятся еще к 1918–1919 годам. История организации партийно-советских учебных заведений наглядно раскрывает специфику взаимоотношений партийных и государственных структур: советские органы все больше превращались в проводников решений, принятых большевистскими партийными инстанциями.

В большинстве случаев партийно-государственная политика в сфере профессионального образования в годы Гражданской войны во многом базировалась на военно-командных и принудительно-мобилизационных методах. Но в стране в целом и на Европейском Севере в частности эти методы не воспринимались как нечто, выходящее за пределы допустимого. Многими, в том числе советскими организаторами профессионального образования, данные методы воспринимались как неизбежное следствие войны, как возможность быстрыми темпами достичь поставленных целей. Жизнь чаще всего опровергала надежды на то, что посредством «декретирования» и «кавалеристской атаки» можно получить позитивный социокультурный эффект.

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведе-

ния и международных отношений САФУ: в чем специфика политехнического и профессионального образования?

Силин А.В.: политехнизм в трактовке К. Маркса предполагал знакомство учащихся с основными принципами *всех* процессов производства и овладение навыками обращения с *простейшими орудиями всех производств*¹. В.И. Ленин в ряде выступлений и статей обосновал необходимость политехнического образования и в общих чертах наметил пути его осуществления. Он осуждал всякие попытки подменить политехническое обучение монотехническим, либо профессиональным. Отрицая раннюю профессионализацию, он рассматривал общее и политехническое образование как необходимую предпосылку, как фундамент профессионального образования. Причем Ленин связывал воедино профессиональное и политехническое образование, выдвинув идею о необходимости достижения всеобщего профессионального образования с переходом его в политехническое².

Идея политехнического образования довлела над умами Н.К. Крупской, А.В. Луначарского и других советских организаторов образования, но на практике оказалась трудноосуществимой.

Под профессиональным образованием в диссертации понимается целенаправленный, осуществляемый государством и обществом процесс воспроизводства квалифицированной рабочей силы, подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов, а также система профессиональных учебных заведений – от элементарных курсовых форм до высшего образования³.

Минаева Т.С.: тема диссертации, несомненно, является актуальной в настоящее время, когда происходит реформирование системы профессионального образования в стране. Использование исторического опыта всегда полезно, т. к. помогает избежать ошибок и заимствовать проверенные способы решения проблем. Есть ли какие-либо исторические источники, законодательные акты или постановления Временного правительства, позволяющие раскрыть сущность образовательной политики в это время?

Какую роль играли местные органы управления и насколько активны были региональные управленцы в выработке и реализации общегосударственной образовательной политики, в какой степени они

¹ Маркс К. Инструкция делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам // Маркс и Энгельс о воспитании и образовании / сост. П.Н. Груздев. М., 1957. С. 167.

² Ленин В.И. О работе Наркомпроса // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 322–332.

³ Ленин В.И. – А.В. Луначарскому. 29 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 21–22.

поддерживали эту политику и проявляли собственную инициативу?

Силин А.В.: временное правительство принимает попытку вернуться к прогрессивным идеям «игнатьевской» реформы 1916 года. Оно принимает «Декларацию о профессиональном образовании», в которой подчеркивалась важность профессионального образования для обновляющейся страны. В мае 1917 года министр народного просвещения А.А. Мануйлов внес на одобрение Временного правительства законопроект «Об изменении и дополнении узаконений о промышленных училищах». В нем были указаны вопросы, требующие серьезной законодательной корректировки. К ним относились: определение основных типов профессионально-технических учебных заведений и курсов, а также внешкольных форм распространения профессиональных знаний и ряд других аспектов деятельности профессиональной школы. Однако законодательство Временного правительства в большей степени было направлено на ликвидацию сохранившихся к Февралю 1917 года сословных пережитков в системе профессионального образования, чем на ее кардинальную реформу.

Что касается деятельности региональных управленцев, то они, имея более основательные представления о состоянии социокультурной дей-

ствительности на местах, пытались, насколько это было в их силах, адаптировать государственную политику применительно к местным условиям. Отдавая дань официальной риторике, они старались сгладить крайности установок, шедших из центра, не останавливаясь иногда и перед почти ничем не прикрытым саботажем.

Соколова Ф.Х.: была ли у большевиков в первое время после Октябрьской революции четко сформулированная государственная политика в сфере профессионального образования, включавшая цели, направления и программу действий?

Силин А.В.: четко сформулированной государственной политики в сфере профессионального образования до начала 1920 года у большевиков практически не было. Шел сложный, порой драматичный, поиск целей, направлений и способов ее реализации. Определенные черты эта политика стала приобретать с созданием Главного комитета по профессионально-техническому образованию, принятием Декларации 1920 года о профессионально-техническом образовании в РСФСР, Декрета о высших технических заведениях, Положения о техникумах и ряда других нормативно-правовых документов. Хотя ряд неясностей все еще сохранялся, в частности это касалось возраста, начиная с которого можно осуществлять профессиональную подготовку.

*Контактная информация:
e-mail: Silin23@yandex.ru*

КУЗЬМИНЫХ Александр Леонидович,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры философии и истории

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний,

докторант кафедры отечественной истории

Института социально-гуманитарных и политических наук

Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ВОЕННЫЙ ПЛЕН И ИНТЕРНИРОВАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СССР

В настоящее время в отечественной историографии отсутствует комплексное исследование, в котором бы раскрывался процесс становления, развития и функционирования системы органов и

учреждений военного плена и интернирования в СССР. Актуальность подобного исследования обусловлена совокупностью исторических, социальных и политических факторов.

Во-первых, история формирования и функционирования системы органов и учреждений военного плена и интернирования остается одной из малоизученных страниц отечественной и мировой истории периода Второй мировой войны и послевоенного десятилетия. В исторической литературе до сих пор нет однозначного ответа на вопросы о предпосылках и причинах образования Главного управления по делам военнопленных и интернированных, нормативно-правовых основах его деятельности, структуре и месте в системе НКВД-МВД, целях и методах работы с военнопленными и интернированными, и, наконец, о роли УПВИ-ГУПВИ в реализации внешней и внутренней политики советского государства.

Во-вторых, на волне устойчивого роста исследовательского интереса к изучению феномена сталинизма, породившего различные категории так называемого спецконтингента, вполне закономерно обращение ученых к судьбам иностранцев, прошедших через сталинские лагеря. Изучение деятельности системы УПВИ-ГУПВИ позволит с новых позиций взглянуть на механизм репрессивно-карательной политики советского государства. В первую очередь, это касается выяснения роли и места принудительного труда в развитии экономики СССР. Кроме того, сравнительный анализ политико-правовых и социально-демографических аспектов положения военнопленных и интернированных с положением заключенных ГУЛАГа позволит сформировать более объективное и всестороннее представление о месте и роли спецконтингента НКВД-МВД в советском обществе эпохи сталинизма.

В-третьих, исследование проблемы плена и интернирования представляет интерес с позиции обращения к проблеме выживания человека в экстремальных условиях военной повседневности. Речь идет о восприятии лагерной действительности, поведенческих реакциях в условиях плена, трансформации ценностных установок. Особое значение приобретает изучение становления межкультурной коммуникации между военнопленными и интернированными, с одной стороны, и сотрудниками лагерей и местным населением, с другой. Почти не затронутой исследователями является проблема интеграции военнопленных и интернированных в послевоенные общества после возвращения на родину.

Таким образом, изучение истории пребывания иностранных граждан в советском плену имеет принципиально важное значение для воссоздания целостной картины Второй мировой и Великой Отечественной войны, изучения их последствий и итогов.

Тема советского военного плена и интернирования является относительно новой для историографии. Западные ученые, менее ограниченные идеологическим контролем, занялись изучением этого сюжета раньше отечественных историков. Их интерес к исследованию данной проблемы диктовался необходимостью выяснения судеб своих соотечественников, умерших или пропавших без вести в советском плену. Среди работ западных авторов преобладали издания, основанные на мемуарных источниках, повествовавшие о массовой смертности, невыносимом голоде, изнурительном труде и духовных страданиях военнопленных и гражданских лиц в советском плену и заключении. Научная ценность таких публикаций, носивших оттенок политической конъюнктурности, подвергалась сомнению и вызывала обоснованную критику со стороны советских историков. Последние, в свою очередь, впадали в другую крайность, отрицая какие бы то ни было факты жестокого обращения советского государства с захваченными в плен военнослужащими и гражданскими лицами противника.

Идеологическая конфронтация эпохи холодной войны, безусловно, негативно отражалась на характере работ, но главной причиной, затруднявшей изучение советского плена и интернирования, была недостаточная репрезентативность источниковой базы исследований. Вплоть до начала 1990-х годов советские архивы были закрыты не только для иностранных, но и для советских исследователей. Открывшийся в эпоху «перестройки» доступ к архивным документам позволил исследователям приступить к разработке проблем, связанных с историей Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР.

Высокий общественный интерес к репрессивно-лагерной тематике, характерный для этого периода, стимулировал появление работ по различным аспектам пребывания в СССР бывших военнослужащих неприятельских армий. В основном это были статьи, очерки и брошюры публицистического характера, сопровождавшиеся публикацией рассекреченных архивных материалов.

В них поднимались такие вопросы, как численность и состав военнопленных и интернированных в СССР, их правовое и социально-бытовое положение, участие в восстановлении народного хозяйства, привлечение к судебной ответственности и репатриация на родину. Неоспоримым достижением отечественной и зарубежной историографии стало появление научных исследований, посвященных отдельным проблемам формирования и функционирования системы УПВИ-ГУПВИ и ее региональных структур.

В современной историографии оформились два подхода к изучению советского плена и интернирования: традиционалистский (гуманистический) и тоталитаристский. Сторонники первого подхода (в подавляющем большинстве российские исследователи) считают, что советское правительство строго руководствовалось нормами международных конвенций о военнопленных. В соответствии с подобной установкой военнопленные обеспечивались всем необходимым: продовольствием, одеждой, обувью, медицинской помощью, имели право переписки и получали с родины продовольственные посылки. Для содержания военнопленных и интернированных была создана система специальных органов и учреждений, не включенная в советскую пенитенциарную систему. Администрация лагерей уделяла большое внимание охране труда и здоровья военнопленных, организации их отдыха и досуга. Именно благодаря такой заботе и опеке со стороны государства удалось спасти жизнь и вернуть на родину большинство обездурженных неприятельских военнослужащих.

В свою очередь, сторонники тоталитаристского подхода (в основном зарубежные и некоторая часть российских исследователей) указывают на карательно-репрессивный характер системы УПВИ-ГУПВИ, которая, по их убеждению, являлась составной частью аппарата принуждения в лице Наркома (Министерства) внутренних дел. Свидетельство тому – грубые нарушения международного права со стороны СССР, тяжелый принудительный труд на военных объектах и на вредных для здоровья производствах, мучительный голод и неизлечимые болезни, страшный произвол со стороны судебных и внесудебных органов, сопровождавшиеся массовой гибелью военнопленных и интернированных. Систематический характер, по мнению сторонников данного подхода, носили

случаи воровства и грубости, бесхозяйственности и некомпетентности со стороны лагерного персонала. Таким образом, политика уничтожения военнопленных, если не прямо, то косвенно составляла сущность советского плена.

Думается, что каждый из перечисленных подходов далек от действительности и не отражает всей сложности и противоречивости того явления, которым являлись советский плен и интернирование. Деятельность системы ГУПВИ, как и его прототипа ГУЛАГа, необходимо рассматривать в динамике, в контексте общего развития страны, во взаимосвязи с обстановкой внутри страны и на международной арене. Подобный подход позволит объяснить тот факт, как незначительное по статусу и объему функций ведомство НКВД за годы Второй мировой войны превратилось в мощный лагерно-производственный комплекс, игравший значительную роль в социально-экономической и политической жизни страны.

Особенностью авторской концепции является рассмотрение военного плена и интернирования с позиций *институционального подхода*. Плен и интернирование трактуются как совокупность правовых, политических, социальных, экономических, нравственных и иных отношений, возникающих в процессе вооруженного конфликта, как следствие захвата представителей противоборствующей стороны.

Институт военного плена и интернирования включает следующие элементы: 1) правовые, идеологические и культурные нормы, регламентирующие обращение с военнопленными и интернированными; 2) систему органов и учреждений, обеспечивающих реализацию этих норм; 3) лагерный социум со сложившейся структурой, системой отношений и социальных ролей; 4) систему формальных и неформальных поведенческих практик, обеспечивающих выживание в условиях плена.

Военный плен и интернирование, как социальные институты, предполагают выполнение важных социальных функций, возникающих в условиях военного времени. Такими системообразующими функциями являются: 1) прием военнопленных и интернированных; 2) их содержание и 3) возвращение на родину (репатриация). Невозможность осуществления одной или комплекса функций позволяет говорить о дисфункции института военного плена и интернирования.

В целом, плен и интернирование трактуются как социальные феномены, возникающие в условиях вооруженного конфликта. В результате процесса институционализации оформляются не только правила и нормы обращения с военнопленными и интернированными, но и структуры, отвечающие за организацию их содержания и жизнеобеспечения. Деятельность этих структур определяется глубинными свойствами общества, в которое интегрируются военнопленные и интернированные. Именно на такой комплексный подход, трактующий ГУПВИ как полифункциональный и многомерный объект исторического анализа, впервые в российской историографии опирается автор настоящего исследования.

Коротаяев В.И., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории САФУ: в конце первой главы диссертации А.Л. Кузьминых говорится о трех «*наименее изученных аспектах*» данной темы. Можно было бы особо акцентировать внимание на них если не в цели, то в задачах диссертации. Тем более, что методология диссертации ограничена методами исследования. Для докторской диссертации этого мало. Нужна основополагающая гипотеза, идея или концепция, которая стала бы сквозным принципом для исследования предложенной темы.

Во втором параграфе первой главы все источники разделены на две группы: «*на официальные и личного происхождения*». И сам же автор противоречит себе на с. 153, где «*почтовую корреспонденцию*» делит на «*официальную и личную*». Между тем источники представлены автором в соответствии с принятым принципом: они сгруппированы как нормативные и нарративные источники, что соответствует источниковедческому «канону».

В первом параграфе второй главы («*Проблема правовой защиты военнопленных в исторической перспективе*») не стоит начинать изложение материала с глубокой древности, раз известно, что именно с 1899 года, с Гаагской международной конференции, началась новая эпоха в отношении к военнопленным. С этого времени лучше поподробнее представить перестройку правового регулирования режима военного плена и интернирования в мировой практике, в том числе в России. Следует особо уделить внимание мировоззренческим основам

этого процесса, поскольку российский правовой нигилизм специфичен и поэтому порой непонятен законодателям Запада.

Минаева Т.С., доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории САФУ: представленный текст работы и доклад отличаются четкой структурой и логичностью построения, хотелось бы отметить также качественно выполненный историографический обзор проблемы и анализ источников. Среди методов, которые использованы в исследовании, вы называете идеографический метод. Как вы понимаете сущность этого метода?

Кузьминых А.Л.: под идеографическим методом понимается метод исторического исследования, направленный на описание изучаемого исторического события, явления или процесса во всей совокупности его характерных черт и особенностей.

Зашихин А.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории САФУ: идеографический метод – это метод исследования, состоящий в изучении и описании редких, уникальных, нетипичных явлений, предметов, фактов, того, что не имеет аналогов и единственно в своем роде. Метод используется в исторических, психологических, литературных исследованиях.

Минаева Т.С.: одной из самых сложных задач обсуждаемого исследования является изучение психологии военнопленных и выявление ее особенностей. На основании каких источников планируется изучать психологию военнопленных?

Кузьминых А.Л.: на основании источников личного происхождения: мемуаров, дневников, писем, рисунков, литературных, музыкальных и иных произведений военнопленных. Перечисленные источники дают возможность изучить «человеческое измерение» плена, а именно поведение человека в лагере, восприятие лагерного мира, специфику лагерной среды. Их главная ценность и в то же время основной недостаток заключается в субъективном восприятии лагерного опыта. «Эго-документы» раскрывают перед исследователем неисчерпаемое многообразие лагерного опыта, воспроизводят формы социального общения и стратегии выживания в ситуации плена, с помощью языка, стиля, зрительных и художественных образов раскрывают мысли, чувства и мироощущение их авторов.

Контактная информация:
e-mail: istorial@mail.ru

КУСТЫШЕВ Андрей Николаевич,
докторант кафедры отечественной истории
Института социально-гуманитарных и политических наук
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова САФУ,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и культуры
Ухтинского государственного технического университета

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СИСТЕМЕ ГУЛАГа НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Новый модернизационный импульс в развитии СССР во второй половине 1920-х годов имел четкие характеристики догоняющей модели модернизации, инициированной властью. Субъектом этой модернизации (или индустриализации), названной «построением социализма в одной стране», стало предельно централизованное государство в лице одной партии и ее вождей. Социализм, являвшийся для значительной части общества синонимом мощного государства, обладающего промышленным и военным паритетом с развитыми странами Запада, предстал как разновидность модернизационной стратегии, осуществляемой внерыночными и недемократическими средствами. Интересы и потребности населения не только не учитывались, но и приносились в жертву целевым установкам власти.

Властный характер выбранного пути позволял руководству страны проводить не только любые социально-политические и экономические опыты, используя все ресурсы и средства, но и намного усилить и ужесточить эксплуатацию населения страны. В данных условиях особую значимость приобретали мобилизационные ресурсы, которыми располагала власть на рубеже 20–30-х годов XX века. По мнению пермского исследователя А.Б. Суслова, экономическое поведение государства теряет рациональность: главным требованием к предприятиям и отраслям становится не достижение рентабельности, а выполнение планов в кратчай-

шие сроки при ограниченном количестве ресурсов. В рамках такой модели эффективными становятся хозяйственные структуры, способные быстро концентрировать ресурсы на определенных объектах¹. Речь идет о принудительной мобилизации рабочей силы такой многочисленной группы репрессированного населения, насильственно вовлеченного в производственные процессы, как спецпоселенцы и заключенные лагерей и колоний ГУЛАГа.

В начале 1930-х годов основным направлением в деятельности ГУЛАГа являлось управление переданными в 1931 году в его ведение так называемыми «спецпоселениями» или «трудовыми поселениями», в которые начиная с 1930 года, направлялись высланные в ходе принудительной коллективизации сельского хозяйства раскулаченные крестьяне, а затем, в более позднее время, и члены репрессированных этнических меньшинств (советские немцы, чеченцы, ингуши и др.). С расширением масштабов и диверсификацией хозяйственной деятельности лагерной системы во второй половине 1930-х годов основной удельный вес в структуре ГУЛАГа стали составлять исправительно-трудовые лагеря.

Именно эти лагеря и исправительно-трудовые колонии являлись ядром пенитенциарной системы в период сталинизма. Их доминирующая роль объяснялась тем, что лагеря и колонии в СССР были предназначены для отбывания сроков лишения свободы, назначенных приговорами, независимо от того,

¹ Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 276.

были ли эти приговоры вынесены судами или внесудебными, административными органами. Более того, стандартное соединение лишения свободы с «исправительным» трудом, предусмотренное уголовными и исправительно-трудовыми кодексами, превратило лагеря и колонии в места массового использования принудительного труда.

Мобилизационная модель, предполагающая трудоиспользование спецконтингента гулаговских образований, была апробирована властями в процессе колонизации труднодоступных территорий и, в частности, Европейского Севера страны. Под дефиницией «Европейский Север России» понимается регион, включающий территорию, экономическое, политическое и социокультурное пространство Архангельской с Ненецким автономным округом, Вологодской и Мурманской областей, Карелии и Коми республик.

Процесс принудительной колонизации обозначенного региона, позволяет рассматривать организацию принудительного труда в ГУЛАГе как механизм адаптации системы, ориентированной на экстенсивное развитие, к модернизационным процессам, проходившим в стране. Эффективность данного механизма была низкой. Демонтаж сталинской экономики принудительного труда сразу же после смерти диктатора может служить косвенным доказательством ее нецелесообразности и неэффективности, но не позволяет ответить на вопрос о реальной роли этого сектора экономики в осуществлении советской индустриализации. Несмотря на достаточно широкий спектр работ, посвященных исследованию принудительного труда в ГУЛАГе, вне поля зрения историков остаются многие ключевые вопросы теоретического и конкретно-исторического содержания, без осмысления которых невозможно понять феномен ГУЛАГа.

По крайней мере, три взаимосвязанных аспекта этой большой и сложной проблемы остаются неясными и, в значительной мере, дискуссионными. Первый – какими были стимулы формирования столь значительного сектора лагерной экономики. Было ли это вызвано преимущественно политическими (следствие избыточной репрессивности сталинского режима) или

экономическими (потребности форсированной индустриализации) факторами. Второй – в какой мере верны утверждения о том, что экономика принудительного труда выполняла функции, которые не могла выполнить экономика вольнонаемной рабочей силы. Наконец, каким был реальный вклад экономики принудительного труда (в частности, экономики НКВД-МВД) в индустриальное развитие СССР.

Дальнейшие исследования регионального аспекта проблемы, попытка комплексного раскрытия содержания принудительного труда в гулаговских образованиях, функционировавших на территории Европейского Севера России, будут способствовать формированию научной концепции советской модернизации, более глубокому пониманию места и роли ГУЛАГа в социально-экономическом развитии страны.

Минаева Т.С., доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории САФУ: можно ли говорить об эффективности принудительного труда в гулаговских образованиях?

Ответ: следует сместить акценты, уделив внимание сравнительной стороне дела, попытаться разобраться в чрезвычайно сложном с методологической точки зрения вопросе: был ли принудительный труд эффективнее, чем труд вольнонаемных работников. При этом для исследователя чрезвычайно важно не попасть в зависимость от материалов устной истории ГУЛАГа, от многочисленных свидетельств бывших заключенных, пишущих о низкой производительности труда в лагерях, туфте, «комплексе ГУЛАГа». Речь идет о сравнении производственных показателей гулаговских образований и предприятий вольнонаемного сектора, таких как продуктивность производства, себестоимость продукции, о полномасштабном и всестороннем анализе проблемы сравнительной экономической эффективности, включающем сравнение всех аналогичных производств по всем предприятиям, за все годы существования ГУЛАГа. Это в перспективе может стать задачей специального коллективного исследования. При этом исследования регионального уровня позволяют получить вполне репрезентативный материал и глубже разобраться в данной проблеме.

*Контактная информация:
e-mail: akustyshev@ugtu.net*

ЗАШИХИН Андрей Николаевич,
доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Института социально-гуманитарных и политических наук
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ВЕХИ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Теоретико-методологический семинар докторантов Европейского Севера, начавший свою работу под руководством профессора В.И. Голдина в 2006 году, оказался весьма полезным для его участников, став для докторантов хорошим стимулом к плодотворной работе. Некоторые из них теперь уже успешно защитили свои диссертации и стали докторами исторических наук, другие – продолжают исследования, двигаясь к намеченной цели. Примечательно, что среди докторантов – участников 2006 года были и двое наших сегодняшних докладчиков – Т.И. Трошина и А.Л. Кузьминых. Тогда они только приступали к своим исследованиям, находясь в самом начале большого пути, что отразилось и в названиях их докладов, с которыми они выступали в 2006 году: «Социальные процессы на Русском Севере в первой четверти XX века: теоретико-методологические подходы к теме» (Т.И. Трошина) и «Роль и место территориальных органов НКВД–МВД в системе советского государства в 1930–1950-е годы (к постановке проблемы)» (А.Л. Кузьминых).

С тех пор названия тем их исследований претерпели определенные изменения, что вполне естественно. Сегодняшние научные достижения докторантов налицо. Две авторские монографии Т.И. Трошиной, несколько весомых работ книжного формата А.Л. Кузьминых, солидные списки научных статей обоих авторов, в том числе в ведущих научных журналах из перечня ВАК. Казалось бы, работы обоих диссертантов в равной мере формально удовлетворяют существующим высоким требованиям, предъявляемым сегодня к докторским диссертациям.

Между тем у каждой работы – свое неповторимое индивидуальное лицо, своя специфика, которая может не только облегчить, но и усложнить соискателю путь к защите. С этой точки зрения, текст А.Л. Кузьминых (пока он, правда, представил его не

весь, а введение и две первых главы) вызывает все же меньше вопросов. Его работа выполнена в традиционной – в хорошем смысле – манере историописания, отличается четкостью мысли и ясностью языка, строгой логичностью изложения и насыщенностью исторической конкретики, которая сопровождается не вызывающими возражений обобщениями.

Т.И. Трошина, напротив, не удовлетворившись существующими в современной историографии подходами, избрала другую исследовательскую стратегию – сделала многообязывающую попытку междисциплинарного методологического синтеза. Само по себе это стремление, безусловно, похвально, но и неизбежно сопровождается бременем повышенной ответственности, которую автор тем самым возлагает на себя. В данном случае диссертант предпринимает попытку, согласно собственной оценке теоретической значимости данного исследования, «впервые на региональном материале создать тотальную и глобальную историю, то есть охватить все стороны жизни человека и общества...» (!). Нужно ли удивляться, что после столь смелого авторского заявления эта работа встречает недоверчиво-скептическое отношение со стороны опытных коллег и экспертов, что и проявилось в ходе нашего сегодняшнего обсуждения. Может быть стоит порекомендовать докторанту, ни в коей мере не отказываясь от творческих поисков, все же проявлять разумную сдержанность в самооценке значимости своего труда.

Еще хотелось бы высказать такое соображение. Вряд ли кто-то всерьез будет спорить с тем, что историк не должен замыкаться в кругу узкопрофессионального сообщества. Историк должен стремиться выносить результаты своей работы на суд более широкого круга общественности, исходя из общественной значимости самой истории как науки. В то же время, понятно, что у диссертации в ее привычном формате не может быть большого чис-

ла читателей. Однако и монографии наших докторантов, к сожалению, пока малодоступны публике, вследствие небольшого тиража.

Поэтому важно находить возможности для популяризации научных результатов труда историка, какие открывает, например, известный и уважаемый исторический журнал «Родина». Хорошим примером здесь служит плодотворный многолетний опыт сотрудничества с этим авторитетным научно-популярным изданием В.И. Голдина, которому в год 300-летия М.В. Ломоносова удалось привлечь целую группу архангельских авторов к участию в специальном номере журнала, посвященном нашему великому земляку. Как достижение Т.И. Трошиной не могу не отметить, что на ее счету также есть

интересная статья по теме ее исследования в одном из номеров журнала «Родина» за этот год. Опубликовал в текущем году одну из своих работ в журнале «Родина» и А.Л. Кузьминых.

И, конечно, принципиально новые возможности для расширения читательской аудитории открывает в наше время интернет. Можно только приветствовать, что все больше научных журналов (среди них «Вестник САФУ»), хотя и публикуются в бумажном формате весьма скромными тиражами, но становятся доступными для заинтересованных читателей в электронной версии, в том числе на крупнейшем российском информационном портале в области науки и образования – научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

*Контактная информация:
e-mail: z150@pomorsu.ru*

МИНАЕВА Татьяна Станиславовна,
доктор исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории
Института социально-гуманитарных и политических наук
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова

О ЛОГИКЕ И СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в исторической науке не существует единства взглядов на логику и структуру исторического исследования. Одни ученые рассматривают историческое исследование как последовательность определенных этапов: 1) выбор объекта и постановка исследовательской задачи; 2) выявление источников для ее решения; 3) разработка методов исследования; 4) реконструкция исследуемой исторической реальности и ее теоретическое объяснение; 5) определение истинности и ценности полученного знания. Другие в структуре исторического исследования выделяют: 1) цель и задачи; 2) набор гипотез; 3) совокупность исходных предварительных знаний; 4) методы и средства получения новых знаний; 5) проверку гипотез; 6) конечный результат исследования – новое знание. Третьи

считают, что научное исследование проходит через три главных этапа: постановку проблемы; накопление фактического знания; создание теории изучаемого предмета, системы выводов.

Независимо от подходов к структуре и логике исторического исследования все ученые одно из важных мест отводят выработке теории исторического развития, которая придает единство научному построению, позволяет выработать систему научных понятий и объяснить, каким образом произошли или возникли те или иные исторические события или явления.

Т.И. Трошина, обратившись к изучению демографических и социальных процессов на Европейском Севере России в первой четверти XX века, справедливо замечает, что исследование многих проблем ре-

гиона часто осуществляется по устаревшим схемам, вне социокультурного контекста. Действительно, необходим новый методологический подход к изучению социальной истории Европейского Севера России. Однако при этом недостаточно сравнивать и анализировать взгляды отечественных и зарубежных историков и социологов, но в обязательном порядке требуется разработка определенной теоретической концепции, на основе которой можно логически выстроить исследование, сделать выводы и доказать их на основе исторических источников.

Несомненно, что тема работы А.В. Силина является актуальной в настоящее время, когда происходит реформирование системы профессионального образования в стране. Использование исторического опыта всегда полезно. Опираясь на собранный материал, А.В. Силин сделал вывод о провале политики Временного правительства в сфере профессионального образования, но чтобы анализировать правительственную политику, необходима опора на документы с указанием целей и задач этой политики. Другой аспект исследования А.В. Силина связан с рассмотрением деятельности местных органов управления по реализации политики в сфере профессионального образования. В связи с этим хотелось бы пожелать, чтобы историк провел более тщательный анализ данного вопроса и выявил бы,

какую роль играли местные органы в выработке и реализации общегосударственной образовательной политики, в какой степени они поддерживали эту политику и проявляли собственную инициативу.

Особо четкой структурой и логичностью построения отличается исследование А.Л. Кузьминых, хотелось бы отметить также качественно выполненный историографический обзор проблемы и анализ источников. Среди методов, которые использованы в исследовании, автор указывает идеографический, но, на мой взгляд, этот метод можно применить только к отдельным частям его работы. Одной из самых сложных задач исследования А.Л. Кузьминых я считаю изучение психологии военнопленных и установление ее особенностей. Автору необходимо не только тщательно подобрать и проанализировать источники для выполнения поставленной задачи, но и использовать специальные исследования о психологии заключенных, что усилит научную достоверность выводов ученого.

Современное общество выдвигает высокие требования к уровню исторической науки, поэтому вполне обосновано, что для его достижения специалисты в области истории должны уметь разрабатывать теоретическую концепцию своего исторического исследования и четко и логично создавать его структуру.

Контактная информация:
e-mail: tatiana.minaeva@pomorsu.ru;
mintatiana@yandex.ru

Составитель – Голдин Владислав Иванович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры регионоведения и международных отношений
Института управления и регионологии
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:
e-mail: zoya_goldina@mail.ru